

Чэн Хуань не знала, что ответить. Она бы солгала, если бы сказала, что Цзян Минъюань ей совсем не интересен. Но мысль о том, чтобы завязать с кем-то отношения, выходящие за рамки дружбы, была нелегкой задачей для того, кто всю жизнь был одинок.

Она беспокоилась о том, что образ жизни будет отличаться от того, что она планировала, но в то же время не могла противостоять влечению другого человека. Эти две мысли конфликтовали в ее сознании, и ни одна из сторон не побеждала. Поэтому ее борьба отражалась на ее лице.

Тем не менее, ее молчание было истолковано Цзян Минъюанем как отказ. Он был слегка разочарован, и это было видно по его лицу. Но он быстро взял себя в руки и сказал, что все понял.

— Это было резко с моей стороны. Мне не следовало торопиться, — спокойно произнес он.

Чэн Хуань почувствовала, что в его словах есть что-то неправильное, и ощутила укол вины. Она открыла рот, но прежде, чем она смогла объясниться, Цзян Минъюань продолжил:

— Я должен начать ухаживания, верно?

— А? — Чэн Хуань была ошеломлена. Ее рот слегка приоткрылся, отчего она стала выглядеть несколько глупо.

— Хорошо. Я понял, — Цзян Минъюань задумчиво кивнул. Он не знал, что еще сказать. Когда он закончил говорить, он слегка наклонил голову, и его губы изогнулись вверх. Его рука, протянутая вперед, на секунду замерла на полпути, а затем он смело закончил то, что пытался сделать. Он быстро положил ладонь на голову Чэн Хуань и сказал ей: — Я ухажу. Увидимся завтра.

После его слов дверь лифта открылась еще раз, и мужчина быстро вошел внутрь. Он повернулся, чтобы посмотреть на нее, пока не перестал видеть ее за дверями лифта.

Чэн Хуань просто хотела проводить его. Она не ожидала, что он бросит такую бомбу. На этот раз она больше не могла сохранять спокойствие. Как будто на нее наложили заклятие. Даже когда мужчина ушел, она все еще стояла на том же месте.

В коридоре было холодно. К тому времени, когда Чэн Хуань вновь обрела способность соображать, она уже онемела от холода.

Дрожа, она пару раз топнула ногой и открыла дверь замерзшими пальцами. В доме было очень тихо. Не было слышно ни малейшего шума. Тишина располагала к размышлениям. Поэтому ее мозг, только что немного успокоившийся, тут же снова наполнился всевозможными мыслями.

Чэн Хуань не ложилась спать до поздней ночи. Когда она забралась в постель, был уже час ночи. Она выключила свет и забралась под одеяло. Стоило ей закрыть глаза, как в голову лезли случайные мысли. Ей ничего не оставалось, как снова открыть глаза и уставиться в темноту.

Она не знала, когда заснула. Ей казалось, что она слышала какой-то шум, когда погружалась и просыпалась ото сна, но она слишком устала, чтобы открыть глаза и посмотреть. Она только гадала, не наступил ли уже рассвет.

К тому времени, когда девушка окончательно проснулась, на улице уже было светло. Солнце, пробивающееся сквозь щель между занавесками, дарило тепло.

Сев в постели, Чэн Хуань огляделась. Когда она не увидела Синсина, то поняла, что уже поздно. Она потерла лицо и взяла в руки мобильный телефон. Часы показывали 11 часов утра.

— Уже так поздно? — удивилась Чэн Хуань. Подумав, что Синсин уже, наверное, проголодался, она не стала думать ни о чем другом, а встала и быстро оделась.

Открыв дверь, Чэн Хуань услышала шум телевизора. Она прошла в ванную в тапочках и умылась, после чего небрежно поправила волосы и вошла в гостиную. Она нашла Синсина сидящим на диване и начала обсуждать с ним меню на полдник.

— Мама проспала и не купила ничего, чтобы приготовить сегодня. Что ты думаешь об ананасовом жареном рисе на обед?

— Хорошо, — Синсин всегда был доволен всем, что готовила его мама. Он кивнул своей маленькой головкой, затем указал пальцем рядом с собой и сказал: — Мамочка, это тебе от дяди.

— Что это? — он сидел за боковым столиком, и из-за того, что столик был немного выше, он полностью загораживал эту часть дивана. Чэн Хуань ничего не могла разглядеть со своего места.